По наблюдениям В. Н. Златарского, Спиридон пользовался своим основным источником — «Деяниями» Барония (кстати сказать, изобиловавшими хронологическими и фактическими неточностями) достаточно умело. Заимствованные сведения он не вносил в свою историю бессознательно и как придется, а комбинировал их, сокращая и дополняя объяснениями и стараясь по возможности поставить их в известную связь с другим материалом, бывшим у него под рукою.[10] Не принимал Спиридон и некоторых утверждений в «Летописи» Димитрия Ростовского, противоречащих его националистическим концепциям, вопреки признанию высокого научного авторитета ее составителя. Само собой понятно, что было бы исторически неоправданным ожидать от Спиридона подлинно научного отношения к имевшемуся в его распоряжении историческому материалу. Этого не позволяли ни уровень весьма примитивной методологии тогдашней болгарской историографии, ни степень подготовки самого Спиридона, который не мог опередить свое время. Он был типичным для своей среды доморощенным историографом, следовавшим в анализе, изложении и трактовке исторических фактов приемам современных ему церковных историков и вдохновляемым идеями Паисия Хилендарского.[11]

Заслуживает быть отмеченным особо значение автора «Летописи» — Димитрия Ростовского, сыгравшего большую роль не только в оформлении исторического мировоззрения Спиридона, но и в развитии национального возрождения двух родственных славянских народов — болгарского и сербского, и отчасти румынского. Богатое и разнообразное книжное наследие Димитрия Ростовского на понятном другим православным славянам языке в непродолжительное время распространилось далеко за пределами Украины и России и сделало известным имя своего автора прежде всего в странах Балканского славянского юга. В силу закономерности сложившихся исторических обстоятельств Димитрию Ростовскому было суждено оказать существенное воздействие на оформление некоторых сторон национального сознания народов этих стран.

Имя Димитрия Ростовского как автора ряда приобретших популярность произведений, и преимущественно «Книги житий святых», в том числе и национально чтимых, славяноболгарских, стало близким, своим, окруженным ко всему прочему ореолом принадлежности к великому северному славянскому народу. Оно пользовалось всеобщим признанием и ставилось рядом с именами

Manual pentru Institutele Teologice. Vol. II (1632—1949). Bucureşti, p. 297—307; Τ α χ ί α ο ς Α.-Α. Ν. Ὁ Παϊσίος Βελιτσκόφσκι (1722—1794) καὶ ἀσκητικοφιλολογικὴ σχολὴ τοῦ Θεσσαλονίκη, 1964.

[10] История во кратце..., с. XX.

[11] Istoria Bisericii Romîne, p. 172—178 и др.; П е н а к о в И. С. Иеромонах Кириак от Свищов (1800—1878). Един неизвестен български книжовник в Румъния. — Духован култура, г. XXXVIII (1958), София, кн. 5—6, с. 46—49; Τ α χ ί α ο ς Α.-Α. Ν. Ὁ Παϊσίος Βελιτσκόφσκι . . ., p. 27.